

вращается съ прогулки въ этотъ день. Наконецъ, она вздрагиваетъ, когда семь часовъ торжественно быють въ воздухѣ, и встаетъ съ мѣста.

— Уже семь часовъ! — торопливо говоритъ она. — Мы должны идти или насъ запрутъ.

Быть запертымъ съ ней въ этомъ зеленомъ гнѣздѣ съ звѣздами надъ головой, вмѣсто почниковъ! Какъ можетъ она дѣлать такія предположенія! Нѣсколько минутъ проходятъ прежде чѣмъ онъ успѣваетъ настолько справиться съ безумнымъ волненіемъ, вызваннымъ ея словами, чтобы отвѣтить съ достаточнымъ спокойствіемъ:

— Если вы каждое воскресенье гуляете здѣсь, то полагаю, что придете сюда и въ будущее воскресенье?

— Но вы не придете! — кричитъ она, останавливаясь, — они уже медленно уходятъ изъ сада, — и взглядывая на него.

— Вы мнѣ это запрещаете? — тихо спрашиваетъ онъ.

— Да, запрещаю! — волнуется она: — да, да, да! то-есть, — поправляется она, — конечно, вы вольны поступать, какъ вамъ вздумается, я не имѣю права вамъ приказывать, но если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ, — нервно смѣется она, — то я скажу, что это будутъ лишнія издержки... какъ и на мое путешествіе въ Швейцарію. Не совсѣмъ прилично напоминать вамъ объ этомъ, но вѣдь вы знаете, что вы бѣдны до тѣхъ поръ, пока патентъ еще не взятъ, — лихорадочно улыбается она. — Я не могу дозволить, чтобы вы бросали деньги за окно.

— А въ воскресенье черезъ двѣ недѣли?

Отвѣтъ ея заставляетъ себя долго ждать. Ему предшествуетъ внутренняя борьба, которая не скоро оканчивается.

Если она запретитъ ему пріѣзжать, онъ послушается, такъ какъ слушается каждаго ея слова, и тогда ей придется одной просидѣть на скамейкѣ, присутствуя при томъ, какъ часы быють четверти, а высокая башня высится въ небѣ. Когда, наконецъ, она рѣшается отвѣтить, — отвѣтъ оказывается простой уловкой.

Но зачѣмъ же отвѣчать прямо. Такіе вопросы всего лучше оставлять безъ отвѣта.

— Въ воскресенье черезъ двѣ недѣли? — переспрашиваетъ она съ игривымъ смѣхомъ. — Къ тому времени мы всѣ можемъ умереть. Я такъ долго впередъ не загадываю.